

УДК 34(091)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НЕОКОНЧЕННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

К.В. Рылов, аспирант Академии социального образования

По данным исторического анализа, изучение русского права начинается с таких источников и памятников права, как договоры Руси с Византией X века, Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., а также Соборное Уложение 1649 г. Исследования в основном были направлены на изучение памятников русского права в целом, а не отдельных правовых институтов¹. При этом основное внимание уделялось не столько правовой природе карательных норм, сколько их политическому обоснованию и достоинствам национальной правовой системы. Институт неоконченного преступления в трудах русских ученых дореволюционного периода по существу остался неисследованным. В юридической литературе о нем имеются лишь отдельные высказывания. Российские историки права при толковании юридических норм правовых памятников чаще используют трактовку уголовно-правовых институтов современных концепций (вместо генетического метода). Особенно наглядно это проявляется при рассмотрении Русской Правды и других нормативно-правовых актов Древней Руси. Так, историк права И.А. Исаев отмечает, что Русская Правда наряду с оконченным преступлением выделяла покушение на преступление, так как в обязательном порядке «наказывался человек, обнаживший меч, но не ударивший»².

Совершенно иначе указанный памятник толковали В.И. Сергеевич, Л.Е. Пресняков, М.В. Владимирский-Буданов, рассматривавшие демонстрацию оружия как оконченное преступление. При этом одни исследователи квалифицировали действия обидчика по-разному: как угрозу, как оскорбление и как угрозу и оскорбление одновременно³.

Системный анализ норм краткой редакции Русской Правды показывает, что ответственность за действие с оружием в руках предусматривалась с учетом различной степени нанесенного повреждения, а степень обиды измерялась в гривнах (от одной гривны до сорока). Сравнительно невысокая санкция за обнажение оружия свидетельствует о том, что действия обидчика не воспринимались как покушение на жизнь или здоровье. То есть обнажение меча без последующего его применения оценивалось как угроза оружием, а не приготовление или покушение на преступление, направленные против жизни или здоровья другого лица. Из приведенного примера следует, что Русской Правде не были известны стадии совершения преступления, а понятие покушения как таковое было чуждо обычному праву славян, поскольку действия лица, причинившего физический либо моральный вред, воспринимались как обида, то есть как оконченное деяние. В результате мы приходим к заключе-

нию, что Русской Правде как источнику обычного права, построенному по казуальному принципу, институт неоконченного преступления был не известен хотя бы потому, что во внимание не принималась субъективная сторона деяния, а значит, и этапы ее реализации в действиях обидчика.

О стадиях преступления, их формах и видах сведения появились значительно позднее. Судебник 1497 г. также не содержит никаких норм, предусматривающих ответственность за неоконченное деяние. Вместе с тем исследователи Судебника усматривают в ст. 9 два вида покушения: покушение на государственную власть и покушение на правопорядок (ст. 71). Но это мнение ничем не подтверждается, т.к. в указанной статье дан только перечень особо опасных для сословного государства лиц, в первую очередь таких, как убийцы представителей господствующего класса, изменники, церковные воры, подстрекатели и организаторы бунтов. И хотя комментаторы текста статей дважды используют термин «покушение», данных, свидетельствующих о том, что деяния, совершенные «крамольниками», признавались в XV веке неоконченными преступлениями, не имеется. Даже «голый умысел» в таких случаях считался окончательным деянием и наказывался смертной казнью. Поэтому можно сделать вывод, что при толковании Судебника понятие «покушение», скорее всего, используется вместо понятия «посягательство», поскольку авторы фактически имеют в виду деяния, направленные против представителей господствующего класса и феодального правопорядка, а не «покушение» в его точном значении. Впоследствии Судебник 1550 г., получивший название «царского», не внес каких-либо норм о неоконченном «лихом деле» и, по справедливому утверждению В.П.

Портного, «по содержанию представляет собой новую редакцию Судебника 1497 г.» В соответствии с правовым мышлением правящего класса феодальной Руси, например, каждое воровское дело, в чем бы оно ни проявлялось, воспринималось как окончательное и сурово каралось. К числу таких деяний закон относил не только окончательные действия, но и такие деяния, которые с точки зрения уголовного права могут быть отнесены к обнаружению умысла, приготовлению либо покушению. Однако такого рода «квалификация» противоречит реалиям феодального права, репрессивная направленность которого исключала саму возможность возникновения и развития правовых институтов, ограничивавших уголовную ответственность, одним из которых является институт неоконченного преступления⁴.

Уложение 1649 г. предусматривало также ответственность за умысел, направленный против здоровья Государя (ст. 86) и умысел на убийство господ (ст. 248). Комментаторы справедливо отмечают, что уложение не предусматривает покушение на жизнь Государя, ибо уже «обнаружение умысла считается преступлением». При этом не ставится вопрос, каким является преступление: окончательным или неоконченным. Очевидно, что зачастую нормативно-правовые акты прошлого трактуются неточно, с существенными искажениями, что не позволяет установить различия в правовом сознании представителей различных эпох. Это делает необъяснимыми и недостаточно понятными уголовно-правовые нормы раннего законодательства, в результате чего наблюдается некоторая непоследовательность нормативных актов.

Изучая далее историю развития отечественного уголовного права, мы отмечаем, что Уложение 1845 г. носит уже иной характер. Здесь доста-

точно определенно сформулированы стадии совершения преступления (в современном праве – это институт неоконченного преступления). Различаются 4 стадии: обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и «совершившееся» преступление (ст. 8–11). А так называемый «голый умысел», известный российскому законодательству с давних времен, наказывается только в случаях, прямо предусмотренных в законе (наиболее тяжкие государственные преступления). Отметим, что Уложение 1845 г. было последним российским уголовным кодексом, устанавливающим ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления. Иллюстрируем: «Применение или приобретение средств для совершения преступления признается лишь приготовлением к оному» (ст. 10). Наказание за приготовление к преступлению следовало только в установленных законом случаях, при условии, если сам характер приготовительных действий не был противозаконным (ст. 118). «Покушением на преступление считается всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение» (ст. 11). А ст. 20 определяла ответственность за разные виды покушения.

Следует также отметить, что Уложение 1845 г. довольно четко для того времени сформулировало институт добровольного отказа от совершения преступления (хотя термин «добровольный отказ» не был сформулирован). По существу он вполне совпадал с аналогичным институтом, содержащимся в Уголовном кодексе России (ст. 16): «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершал преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том

случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление» (ст. 119). Таким образом, основные понятия института неоконченного преступления в Уложении 1845 г. были разработаны на достаточном уровне. Разработка в теории уголовного права учения о предварительном преступлении – свидетельство влияния научной мысли на развитие уголовного законодательства. В последующем при изучении этой темы возникает целый ряд актуальных вопросов, таких, как разграничение приготовления и покушения и проблема наказуемости приготовления, понятие состава неоконченного преступления и так называемого усеченного состава преступления и др.

В XX веке теоретическая разработка вопросов предварительной преступной деятельности началась в 1920-е гг.⁵ В Руководящих началах 1919 г. были определены понятия приготовления и покушения, однако в сущности этим действиям не придавалось самостоятельного значения, так как отрицалась необходимость учета стадии осуществления преступного намерения при назначении наказания. По УК РСФСР (1922 г.) наказывалось лишь покушение; приготовление же каралось лишь в том случае, если оно само по себе являлось наказуемым деянием. Основные начала уголовного законодательства СССР (1924 г.) устанавливали ответственность и за приготовление, и за покушение. Тем не менее отдельные авторы придерживались мнения, что приготовление и покушение, по существу, потеряли свое значение, так как степень подготовленности преступления и близость наступления его последствий подлежат свободной оценке суда⁶.

Дискуссионный характер в эти годы носила проблема наказуемости приготовления. Профессор А.А. Пионтковский критически подошел к

оценке положения Основных начал о том, что приготовление всегда влечет за собой уголовное преследование. По его мнению, это противоречило задачам советской уголовной политики. М.С. Строгович считал, что «это вопрос конкретного факта, т.е. если преступление не есть формальное понятие, а социально опасное деяние и если в конкретной стадии действия лица являются социально опасными не только сами по себе, но и по отношению преступной цели, к достижению которой они ведут, тогда необходимо применение соответствующих мер социальной защиты»⁷.

В литературе тех лет также велись споры о том, что представляет собой покушение и в чем его отличие от приготовления. Э.Я. Немировский утверждал, что за основу разграничения приготовления и покушения советское уголовное законодательство берет объективный критерий, то есть характер действий. Отметим, что советские криминалисты всегда придавали большое значение точному установлению степени реализации преступного намерения конкретного виновного лица. А.С. Шляпчиков обратил внимание на то, что в уголовно-правовой литературе того периода все же упускалось из виду реальное значение различия между стадиями преступления для оценки степени опасности лица. При этом автор подчеркивал, что решение вопроса о стадиях преступления не должно базироваться исключительно на опасности личности преступника, в отрыве от совершенных действий. В связи с этим он предлагал исключить уголовную ответственность за приготовление к преступлению в тех случаях, когда оно не составляет самостоятельного деликта⁸.

Обстоятельное теоретическое исследование вопросов предварительной преступной деятельности началось в 1950-е гг. Появляются в печати

фундаментальные исследования проф. Н.Д. Дурманова, Н.Ф. Кузнецовой, И.С. Тишкевича, Н.В. Лясс. Многие теоретические положения и научные выводы имеют важное практическое значение и получили практическое закрепление в Основах уголовного законодательства СССР (1958 г.). В частности, были приняты содержащиеся в монографии Н.Д. Дурманова определения приготовления и покушения. Впервые в уголовно-правовой литературе было выдвинуто положение о том, что основанием уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность является наличие в действиях лица признаков состава неоконченного преступления, то есть состава приготовления или покушения на совершение конкретного, предусмотренного статьями Особенной части Уголовного кодекса преступления⁹.

В период, предшествующий принятию нового уголовного законодательства, на страницах юридической печати активно обсуждались вопросы ответственности за предварительную преступную деятельность. Особенно споры велись по вопросу об ответственности за приготовление. Предлагалось установить наказуемость за приготовление лишь в специально указанных в законе случаях (Н.Д. Дурманов, А.А. Пионтовский, Т.В. Церетели, М.И. Ковалев, Н.В. Лясс). Точка зрения, например, проф. М.А. Чельцова сводилась к тому, что вообще следует исключить уголовную ответственность за приготовление и вернуться к конструкции УК 1933 г., не предусматривающей наказуемости приготовления¹⁰.

Напротив, А.Н. Трайнин и ряд других авторов считали, что действующая в тот период конструкция ответственности за приготовление вполне приемлема и отвечает задачам укрепления социалистической

законности¹¹, что и было воспринято законодателем. В Основах уголовного законодательства 1958 г. установлена наказуемость за приготовление к преступлению во всех случаях.

Однако и после принятия ныне действующего законодательства этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным в связи с периодически возникающими спорными примерами из практики применения данного закона, что требует точности и повышенного внимания работников исполнительного звена при квалификации преступлений и назначении наказания. Особенное внимание в эти годы также привлек вопрос о сущности и условиях добровольного отказа на различных стадиях совершения преступления. Исследованию этой темы

посвящены работы ряда авторов тех лет (К.А. Панько, А.Д. Сафронова). Изучение и обобщение значительного количества уголовных дел позволили этим авторам показать общее количество случаев, при которых имеет место добровольный отказ от совершения преступления по некоторым категориям дел, мотивы, побуждающие к добровольному отказу от доведения до конца, а также особенности добровольного отказа соучастников¹².

Отметим в итоге, что расширение научных методов исследования стадий развития преступной деятельности, а также использование опыта зарубежных стран в этой области помогают углубить научный анализ этого института и дать практике теоретически обоснованные рекомендации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Самоквасов Д.Я.* Курс истории уголовного права. М., 1908. С. 13.

² *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. М., 1995. С. 18.

³ Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3 – М., 1984. – С. 52–53.

⁴ Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. – М., 1985. – С. 270.

⁵ *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Т.1; *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть; *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право; *Васильев-Южин М.И.* Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР, 1928, № 1.

⁶ *Мокринский С.* Покушение и приготовление в советском праве.

⁷ *Строгович М.С.* Приготовление к преступлению по УК в ред. 1926 г. // «Рабочий суд», 1927, № 10.

⁸ *Шляпочников А.С.* Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве // «Социалистическая законность». 1937, № 3.

⁹ *Дурманов Н.Д.* Стадии совершения преступления. М., 1969.

¹⁰ *Чельцов М.А.* Спорные вопросы учения о преступлении // «Социалистическая законность». 1947, № 4.

¹¹ *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия // «Социалистическая законность». 1953, № 12.

¹² *Сафронов А.Д.* Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника. Автореферат канд. дис. М., 1977.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об историческом развитии института неоконченной преступной деятельности. Автором проведен анализ изучения Русского права со времен Древней Руси до советского периода, названы источники отечественного уголовного законодательства. Представлены различные точки зрения известных ученых по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: институт неоконченной преступной деятельности, историческое развитие, становление, анализ изучения русского права, точки зрения известных ученых.

Summary

The article considers the historical development of the institution of unfinished crime action from the famous scientists' view points. Besides the author gives his own analyses of the Russian legal sources of the ancient up to the soviet period.

Keywords: Institute unfinished crime, historical development, formation, analysis of the study of Russian law, viewpoints of well-known scientists.